

АНАТОЛИЙ ЧЕХОВ

ГЛАЗ- ТЫСЯЧЕГЛАЗ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» 1975

74 коп.

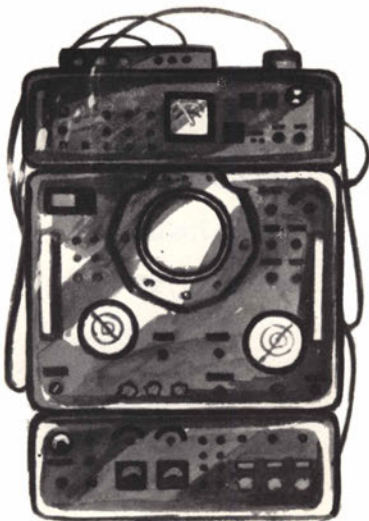

Издательство
«МАЛЫШ»
Москва 1975

АНАТОЛИЙ ЧЕХОВ

**ГЛАЗ-
ТЫСЯЧЕГЛАЗ**

Издательство «Малыш» 1974

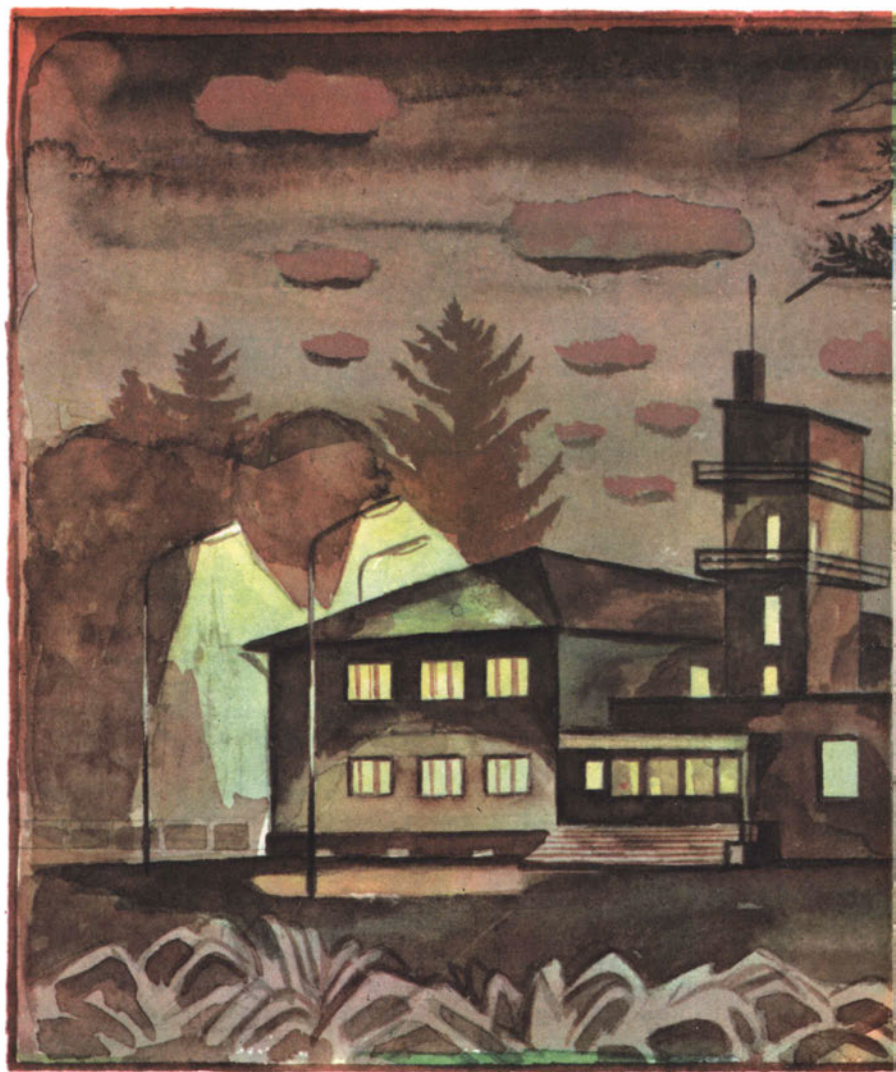
НЕПОХОЖАЯ ГРАНИЦА

Алёшка встал у самого обрыва, мотнул головой и сказал:

— Вот, смотри, это и есть граница! Если боишься, не подходи...

— Я боюсь? Да у нас в Туркмении знаешь какие горы? — Саша подошёл к самому краю прожекторной площадки и встал рядом с Алёшкой.

Сказать правду, вниз даже взглянуть было страшно: под обрывом высотой с двадцатизэтажный дом виднелись лишь серебристые от инея верхушки деревьев. Зато до самого горизонта, куда уходила белая равнина замёрзшего моря, видно было всё: и занесённые снегом дома на берегу, и бревенчатый причал, и наблюдательную вышку рыбаков — тоже из брёвен, и протянувшуюся от причала голубоватую дорогу, как будто по морю проехали автомашины и понаворочали по обе стороны колеи куски льда. Скорей всего в тех торосах и мог прятаться нарушитель, тот самый, которого — ребята это точно знали — ждут на участке заставы.

— Довольно врать-то, — сказал Саша. — Какая бывает граница, я-то уж знаю: на заставе живу...

— Я вру? — возмутился Алёшка. — А я что, не на заставе? Твоя — в Средней Азии, а моя — за тем лесом! Точно тебе говорю, — повторил Алёшка, — здесь граница!

— Ну какая же это граница, когда ни КСП¹, ни погранзнаков нету? Непохожая она у вас...

Саша имел в виду красно-зелёные полосатые пограничные столбы с квадратными пластинами из нержавеющей стали наверху. На каждой пластине отчеканен государственный герб СССР.

— И у нас есть погранзнаки, — сказал Алёшка. — Только на островах.

— А КСП?

Саша торжествовал: где ж тут сделаешь КСП?

— В море выплывешь и не узнаешь, может, ты уже нарушитель...

— Выплывешь, — передразнил Алёшка. — В море ходят, а не плавают! Эх ты, моряк...

— А скажешь, ты моряк?

— Конечно, моряк! На всех кораблях, какие только есть на Балтике, плавал! А когда отец на островах служил, как только в школе каникулы, так домой на каком-нибудь попутном корабле и иду...

— А что это за дорога через всё море? — спросил Саша.

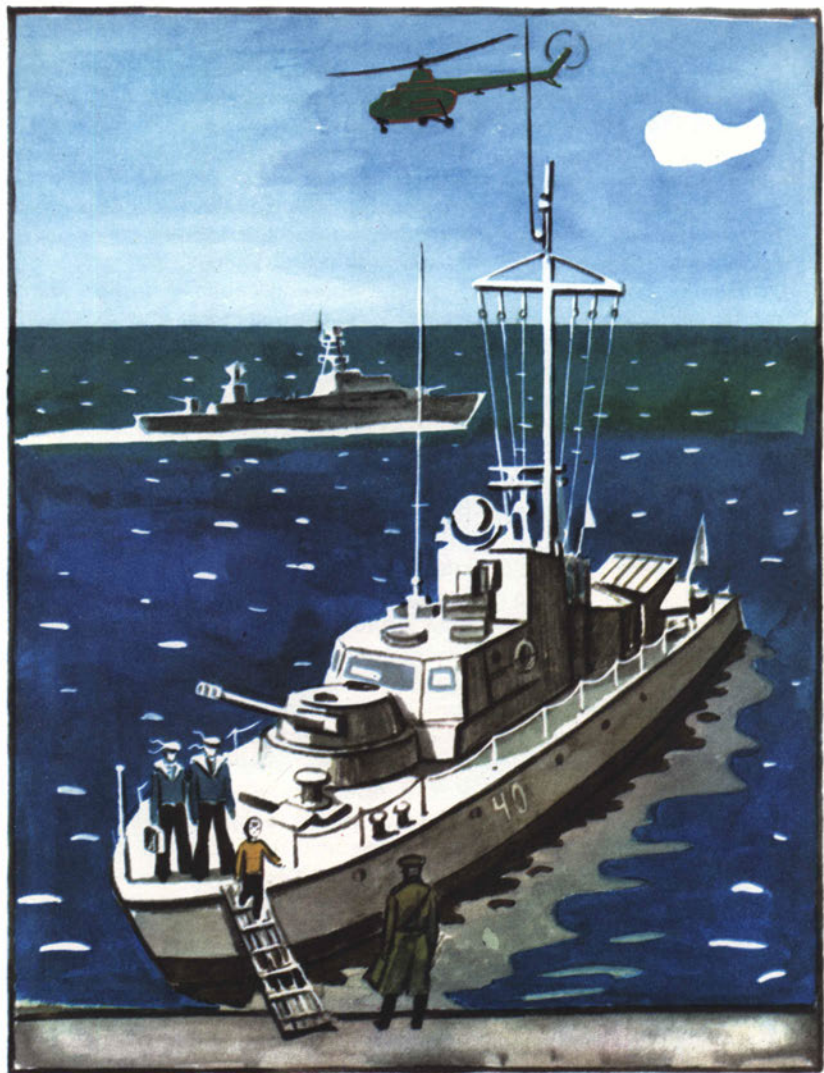
— Сказал... Дорога... — Алёшка рассмеялся. — Ледокол лёд проламывал, чтоб корабли к причалу подходили, вот и дорога!

— Проламывал? — возразил Саша. — Море-то опять замёрзло? Ни один корабль к причалу не подойдёт.

Сказал он это только так, чтобы Алёшка не зазнавался.

Никогда ещё Саша не видел ни ледокола, ни других кораблей, ни моря, — разве что только в кино. На заставе отца, в отрогах Копет-Дага, моря-то нет... Да и здесь тоже как будто и не море, а огромный, раскинувшийся от края до края белый солончак — такыр, такой же, как дома в Кара-Кумах, по которому Саша даже на машине ездил: мчится «газик» по

¹ КСП — контрольно-следовая полоса.

белому полю, точно по снегу, только под колёсами не снег, а соль.

— К нашему причалу, конечно, ни один корабль не подойдёт,— сказал Алёшка,— а вон к старой разбойничьей крепости подойдёт: там и к открытой воде ближе, и кораблей больше.

На горизонте едва виднелся засыпанный снегом каменистый мыс с прорисовывающимися на нём тонкими серебристыми контурами—развалинами старинной крепости.

— А почему крепость разбойничья?

Саша оглянулся на майора Ковешникова—дядю Яшу, стоявшего у прожектора вместе со своим старым знакомым, начальником мангруппы подполковником Аверьяновым, и почувствовал, как холодные мурашки побежали по спине. Может быть, именно в этой разбойничьей крепости и сидит нарушитель, ради поисков которого вызвали из Туркмении лучшего Сашиного друга майора Ковешникова—дядю Яшу. Догадывается ли дядя Яша, как переживает Саша, надеясь, что именно ему с майором удастся задержать опасного преступника?

Вообще-то говоря, Саше здорово повезло. Он был вместе с дядей Яшей, когда тот задержал нарушителя на среднеазиатской границе. А когда задержанного допросили, оказалось, что на встречу с ним должен пойти второй нарушитель на северо-западной границе, в Эстонии, где служит старый знакомый дяди Яши подполковник Аверьянов. Дядя Яша—майор Ковешников—всех среднеазиатских главарей бандитов, которые только могут быть знакомы с задержанным,—наперечёт знает. Вот и пригласили майора как большого знатока пограничного дела ловить второго диверсанта... А тут как раз Саша с мамой собрались на весенние каникулы к бабушке в Кавголово под Ленинградом. После самолёта мама поехала к бабушке поездом, а Саша упросил майора взять его с собой к Алёшке: Алёшкина и Сашина мама когда-то даже вместе учились...

— Эй-ей, молодцы! — окликнул их дядя Яша. — Отойдите-ка от обрыва!

— Давайте сюда! — позвал их и подполковник.

Ребята подошли.

— Дядя Яша, то есть товарищ майор,— сказал Саша,— можно спросить?

— Давай спрашивай...

— А почему здесь граница не такая, как у нас? Ни КСП, ни погранзнаков нету?..

— А это уж тебе подполковник Аверьянов Дмитрий Дмитриевич лучше расскажет.

Саша смутился. К малознакомому подполковнику он бы не решился обращаться с вопросом.

— Ладно,— сказал подполковник,— сыну начальника заставы, будущему пограничнику можно рассказать... У самого берега моря домики видел?

— Видел...

— Рыбацкий посёлок... А чуть подальше—один за другим два санатория, четыре дома отдыха. Вдоль берега—шоссейная дорога. В праздники к морю едут тысячи народу: зона здоровья—парки, пляжи. Вот и скажи, можно ли от людей море отгородить?

— И Алёша тоже сказал, что у вас граница прямо по морю проходит...

— Правильно сказал: прямо по морю и проходит. Ну вот что, брат,—сказал подполковник,—у нас с майором сейчас нет времени тебе объяснять. А ты лучше сам присматривайся. Алёшу спроси: он тоже многое знает...

— Товарищ подполковник, а вы...

Саша хотел спросить: «А вы сегодня будете ловить нарушителя?», но в это время Алёшка незаметно показал ему кулак и тут же предложил:

— Айда, Саш, пошли прожектор смотреть...

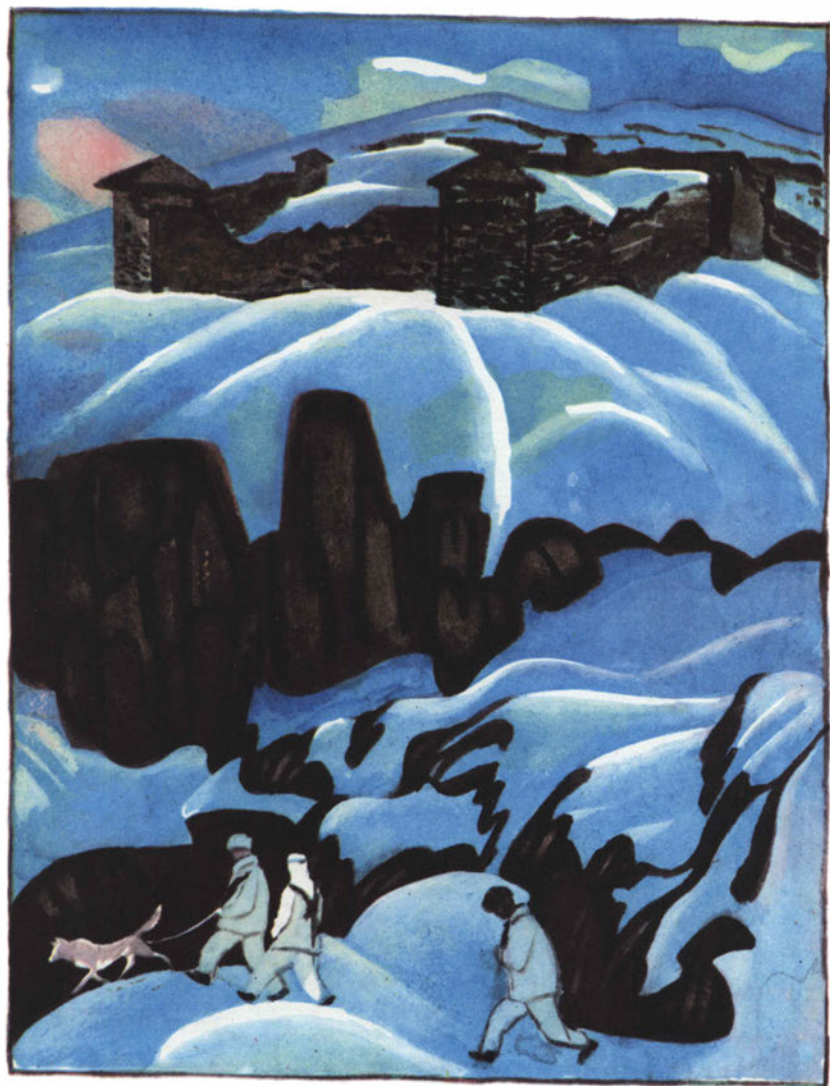
ЧЕЙ ДЯДЯ ЛУЧШЕ!

Но едва они подошли к прожектору, Алёшка заглянул в сторону моря и даже присел:

— Смотри, смотри,—прошептал он.

Саша обернулся: в развалинах разбойничьей крепости горел зеркальным зайчиком красноватый свет.

— Сигналы подаёт,—запнувшись, сказал Саша.

Границы нашей
Родины
священные и
неприкосновенны

Алёшка даже запрыгал от удовольствия.

— Осколок стекла или глазированная плитка блестит, — сказал он. — Каждый вечер так светит.

— Ну и что! А может, каждый вечер кому-нибудь и сигналил!

Алёшка оторопело умолк и, выпучив глаза, молча посмотрел на Сашу: мол, и в самом деле, а почему бы нарушителю не сидеть в развалинах и не сигналить кому-нибудь зеркалом?

— Ладно, — сказал Алёшка. — Сам знаешь, любые развалины пограннаряды по несколько раз в день с собаками проверяют. Отец и меня как-то туда брал. Ничего там нет, одни камни...

— А почему ж тогда крепость «разбойничья»?

— А потому, — ответил Алёшка, — что крепость и в самом деле была разбойничья. Пираты жили. Зажигали в бурю на мысе огонь, вроде это маяк. Корабль и разбивался о камни, а пираты его грабили.

— А та крепость, что в вашем городе, тоже разбойничья?

— И та, что в городе, тоже разбойничья, — ответил Алёшка. — Захватчики жили, пока их не выгнали.

Разговаривая, ребята вошли под нишу капонира, где на массивной тележке, двигавшейся по рельсам, стоял огромный прожектор.

Саша и у себя на границе не раз видел прожекторы, но такой большой — впервые. Он приподнялся на цыпочках, стараясь уловить своё отражение в множестве узких и длинных зеркал. Алёшка тоже подпрыгнул.

В это время оба услышали, как подполковник сказал: «Тревожная группа»...

— Слышал? — спросил Алёшка.

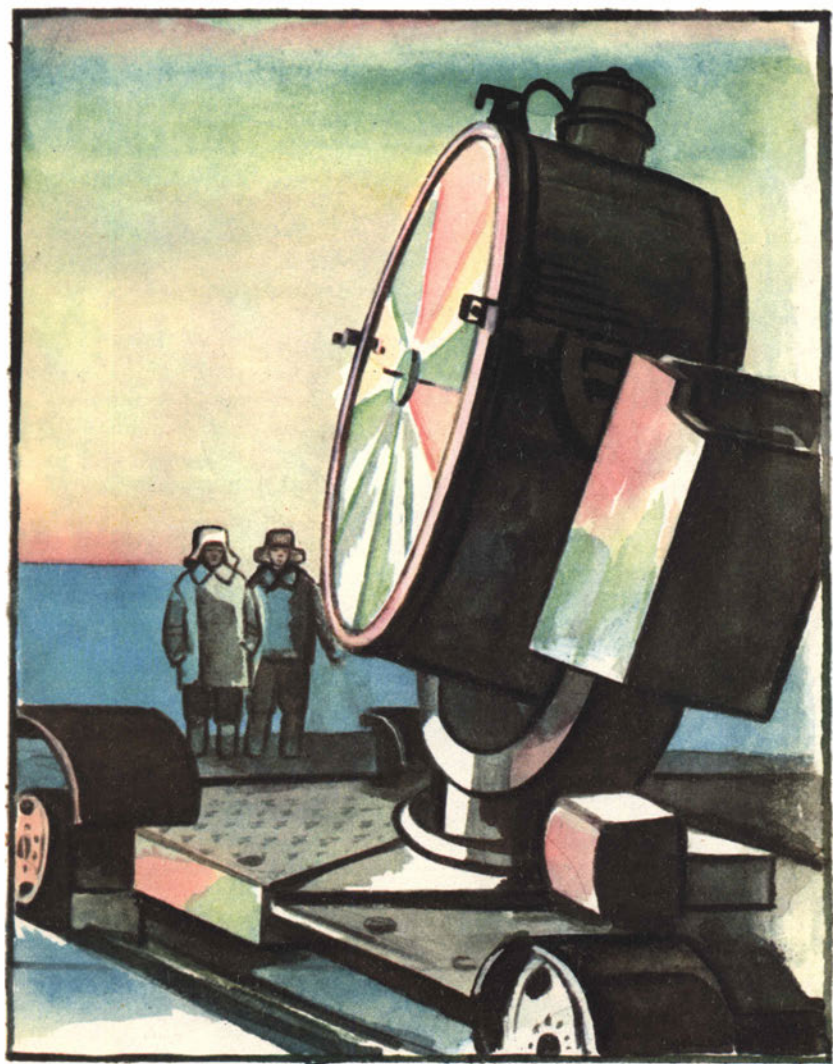
Саша молча кивнул.

Алёшка явно зазнавался. Приехал бы он в Туркмению к Саше на заставу. Саша у себя дома тоже многое знает, но задаваться бы не стал...

— Раз сам подполковник Аверьянов на ПТН приехал, посмотришь, тревога будет...

— А что такое ПТН? — спросил Саша.

— Не знаешь? Пост Технического Наблюдения! Всё, что здесь есть: ПТН.

— А РЛС что такое? — Саша решил уж всё спросить у Алёшки, чтобы потом у старших не спрашивать.

— А РЛС — Радиолокационная Станция — «Глаз-Тысяче-глаз»! До самого горизонта всё видит!..

«Ну уж это ты врёшь» — хотел сказать Саша, но промолчал, вспомнив совет подполковника Аверьянова самому ко всему присматриваться и всё подмечать. Радиолокационные установки он видел и у себя в Туркмении, только издали, а здесь — вот она, совсем рядом, в этом доме из белого кирпича. Как же она охраняет границу, эта РЛС?..

— А давай прожектор выкатим на край площадки, — предложил Алёшка.

— Попробуй выкати, тебе так выкатят...

— А думаешь, не выкатывал? С сержантом Таировым выкатывали. А если на ПТН ни одного человека не останется, а нам с тобой вахту нести, что же ты, сдрейфишь? Да?.. Чего стоишь, давай помогай!..

Алёшка нажал плечом на прожектор, надулся и сделался красный, как помидор!

Саша стал рядом, подналёг плечом на прожектор: «Разве его выкатишь, такой здоровенный!..»

Алёшка ещё больше надул щёки и даже ногами засеменил, делая вид, что старается изо всех сил.

Саша крепче упёрся ногами в бетонный пол, но тут же почувствовал, как чья-то рука легла ему на плечо. Оглянувшись: подполковник Аверьянов.

— Привязан, — сказал подполковник и, увидев, что Саша не понял, повторил: — Зря стараешься, прожектор на цепочку привязан.

Саша оглянулся на Алёшку, а тот как ни в чём не бывало уже стоял в стороне, будто и не прикасался к прожектору.

— Его и непривязанный, наверное, с места не сдвинешь, — заметил Саша.

— Не скажи, — возразил подполковник. — Видишь, рельсы чуть под уклон идут? Это — чтобы прожектор на край площадки легко выкатывался. А дальше края трос его не пустит. Обратнo в капонир солдаты лебёдкой подтягивают. Ну, ладно, — сказал подполковник, — идите пока вон туда к вышке, там нас и подождите...

Аверьянов легонько подтолкнул Сашу и Алёшку по направлению к сложенному из белого кирпича зданию ПТН.

Вышка, поднимавшаяся над этим зданием, была точно такая же, как на заставе Шашиного отца капитана Иванникова. Только здесь на её железные переплетения и ступеньки, во все углы и закоулки намело снегу, да ещё над крытой и застеклённой площадкой медленно вертелась, как лопасть вертолёта, какая-то палка.

— А что это за палка там на вышке?—спросил Саша.

— Сказал!.. Палка!..—Алёшка рассмеялся.—Да это же антенна!

— Разве антенна такая бывает?—начал было Саша, но договорить не успел: Алёшка подтолкнул его плечом, и Саша со всего размаха сел в сугроб.

Ну уж теперь-то он даст Алёшке! Выбравшись из сугроба, Саша подскочил к Алёшке, но тот сделал вдруг испуганное лицо и, прикрывая голову руками, крикнул:

— Антенна летит!..

Саша съёжился и закрыл глаза, недоумевая, откуда это может прилететь антенна и почему она не удержалась на вышке?

В ту же минуту он снова полетел в сугроб.

Теперь-то уж он так разозлился, что, не рассуждая, ринулся на Алёшку, решив проучить его как следует.

Помешали ему въехавшие в редкую берёзовую рощу две крытые брезентом машины, остановившиеся в каких-нибудь пятнадцати метрах от ребят. Из кузовов на укатанный снег стали выпрыгивать солдаты с автоматами, передавая друг другу связанные лыжи.

Командовал приехавшими крижистый старшина, который, увидев Алёшку с Сашей у помещения ПТН, сделал им приветственный жест.

— Это старшина Костин,—сказал Алёшка, которому, видно, стало немного стыдно, что вёл себя так несерьёзно.

— Хоть у вас и ПТН и РЛС, а нарушителя всё равно солдаты ловят,—сказал Саша.—Дядя Яша всегда говорит: «Главный защитник границы—солдат». Дядя Яша молодых солдат учит...

— Чему ж он их учит?—наблюдая, как приехавшие на

грузовике пограничники надевают лыжи и строятся в две шеренги, спросил Алёшка.

— А всему. Службе, следопытству... Лучше дяди Яши во всей Туркмении следопыта нет: по одной волосинке, по чёрточкам на камне— всё узнает: кто здесь был, откуда пришёл, куда вышел.

— А как твой дядя Яша на море следы узнаёт? Волосинка и та куда хочешь по волнам уплывёт.

Это было верно, и Саша замолчал, но тут же нашёлся:

— А он и в море без следов нарушителя найдёт, не найдёт, так догадается, где он может быть. Не зря же его к вам пригласили! Один раз в грозу, в самый ливень, целая группа контрабандистов от границы и чуть ли не до Ашхабада дошла. Всё смыло дождём! Следов никаких! Никто ничего не мог увидеть! А дядя Яша увидел. У одного нарушителя была палка. Дырки от палки дождём затянуло, но не совсем: едва заметные ямки и остались. Только дядя Яша догадался об этом— сразу всю группу и нашли...

— Ну и что,— сказал Алёшка.— А всё равно твой дядя Яша у нас много не наработает. А вот дядя Митя, подполковник Аверьянов, и майор Фомичёв—радиоинженер, и сержант Таиров, и все наши операторы—в туман, в дождь, в пургу— всё на море видят...

Саша отметил про себя, что среди тех, кто по словам Алёшки в любую погоду всё на море видят, Алёшка не упомянул своего отца—капитана Гребенюка.

— А отец твой тоже и в пургу всё на замёрзшем море видит?—спросил Саша.

— Конечно! Только он всегда шутит... Дядя Митя приедет на заставу и говорит отцу: «А ну, Пётр Карпович, принимай вводную: ты—оператор, у тебя пропало изображение на экране. Что будешь делать?». Отец отвечает: «Вызову радиоинженера майора Фомичёва, он и исправит. А дядя Митя сам не хуже радиоинженера майора Фомичёва в РЛС понимает и следопытство не хуже твоего дяди Яши знает.

— Не хуже? Да он у дяди Яши на резервной заставе лейтенантом служил, когда дядя Яша заместителем коменданта был.

— Ну и что? Молодым был, потому и лейтенантом, а зато

сейчас дядя Митя—подполковник, а твой дядя Яша—майор только. Чихал он на твоего дядю Яшу!

— На дядю Яшу чихал? Да ты знаешь, что дядя Яша...

Саша не договорил. Такое оскорбление он не мог перенести. Вцепившись обеими руками Алёшке в воротник, он его так дёрнул на себя, что Алёшка едва не полетел со всех ног, но тут же извернулся и влепил Сашке кулаком в ухо.

— Эй-ей, молодцы! Да вы вроде всерьёз занялись!— слышался голос дяди Яши.— Чего не поделили?..

Не отпуская друг друга, ребята оглянулись. Подполковник Аверьянов растаскивал их за воротники.

— Что ж вы дерётесь?— сказал он.— А кто будет границу охранять?

Ответить Саша и Алёшка не успели: дверь ПТН открылась, во двор выскочил старший сержант в бушлате защитного цвета, вскинул руку к шапке-ушанке:

— Товарищ подполковник, разрешите обратиться? Цель вижу ясно. Был импульс очень слабый, сейчас видно отчётливо.

— Если ясно видите, действуйте,— только и сказал подполковник.

— Есть действовать!— ответил старший сержант.— Внимание!— скомандовал он.— Включить прожектор! Пеленг¹ триста сорок! Удаление шесть кабельтовых²!..

Саша и Алёшка переглянулись.

— Нарушитель!

Тут уж не до драк, не до потасовок...

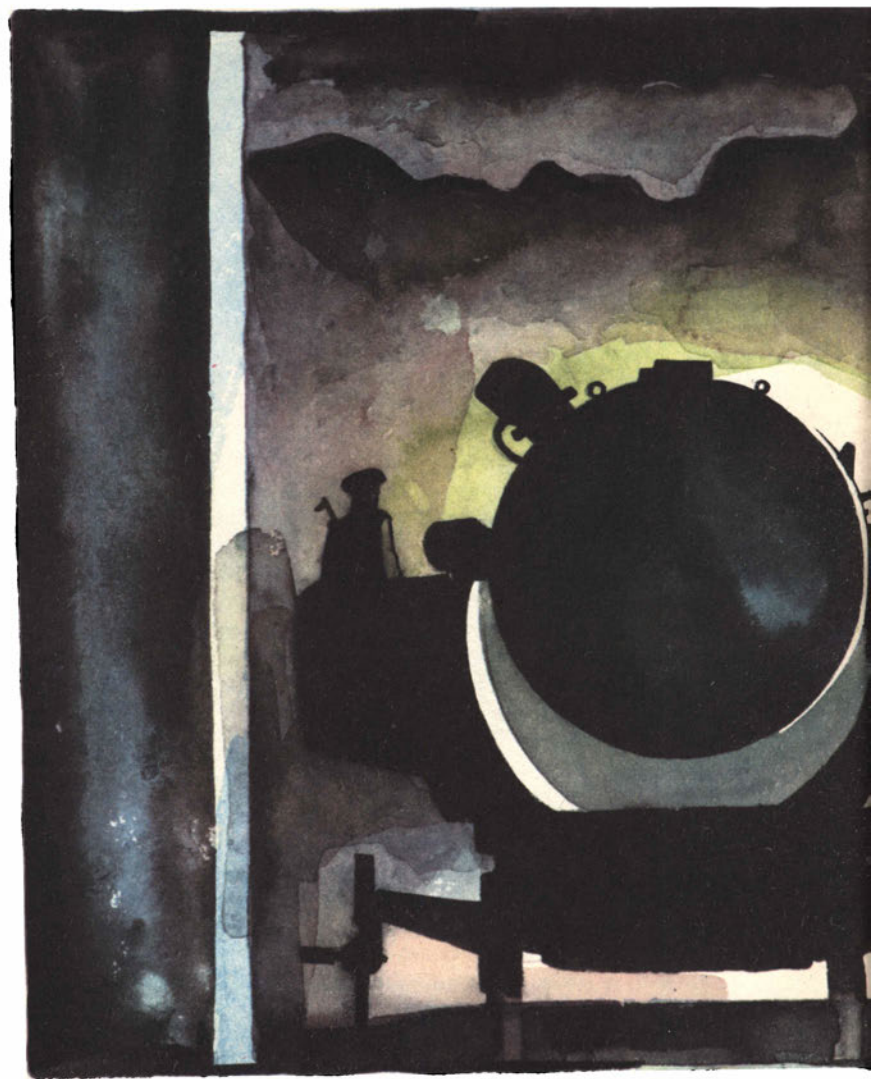
РЛС

Сержант Таиров скомандовал что-то в переговорное устройство. В моторном отделении заработал двигатель, в просторы моря ударил ослепительно белый луч.

Саша зажмурился, а когда открыл глаза и немного привык

¹ Пеленг — угол между курсом корабля и направлением на цель.

² Кабельтов — одна десятая морской мили — 185,2 метра.

к свету, увидел, как далеко внизу вспыхнула холодным пламенем метель-позёмка, заскользили по снежным торосам белые струйки снега, вихрившиеся и курившиеся на ветру.

— Давайте и мы посмотрим, — сказал подполковник Аверьянов, — что там за цель.

— Дмитрий Дмитриевич, — храбро спросил Алёшка, — а можно и нам с вами на вышку? — Он так посмотрел на Сашу, как будто не было между ними никакой драки.

— Ладно, ползайте, — разрешил подполковник. — Только, чтоб всё было, как на службе: смотреть и слушать, и — ничего лишнего. Ясно?..

— Ясно! — ответили оба в один голос, и Саша, торопясь, чтобы не задерживать подполковника и майора, полез вслед за Алёшкой на площадку вышки.

— Ух ты, как отсюда всё видно! — Ему вдруг показалось, что в луче прожектора движутся одетые в маскхалаты фигуры. Чтобы не крикнуть, он изо всех сил сжал руку Алёшки.

— Ты чего?..

— Нарушители!.. Вон! Видишь?..

— Конечно, вижу! Где?..

— Да вон... Ползут!..

Присмотревшись, Алёшка разочарованно сказал:

— Позёмка...

— Какая тебе позёмка?..

Но это была действительно позёмка, извивавшаяся белыми струями между застругами и торосами льда.

Столб света по-прежнему бил в закованные льдом просторы моря. В луче прожектора чётко вырисовывался небольшой островок неподалёку от берега; на островке — высокая серебристая ель в окружении молодых берёзок, кустов тальника у самой воды.

Подполковник Аверьянов, наклонившись к переговорному устройству, негромко скомандовал:

— Осмотреть весь сектор.

Тотчас же прожектор стал медленно перемещать столб ослепительно белого света по ледяному полю, выхватывая из темноты то уходящие в глубь ледяного простора аэросани, то постройки на берегу, то растянувшихся цепочкой лыжников, уже скатившихся на лёд.

— Что они там ищут, ведь никого же нет? — спросил Саша.

— Нет-то нет, — сказал Алёшка, — а только как раз из этого пункта РЛС получила ответный импульс.

«РЛС», «импульс»... Какие-то все непривычные слова», — подумал Саша.

— Ну что ж, — сказал подполковник, — вернёмся к технике.

Ребята осторожно спустились с вышки и вслед за майором и подполковником вошли в помещение ПТН.

Старший сержант Таиров был уже здесь и сидел перед каким-то прибором, похожим на небольшую бетономешалку, какую Саша видел в Ашхабаде на стройке.

— Вот это и есть РЛС, — сказал Алёшка. — Радио-Локационная Станция...

«Бетономешалка» вся была в проводах и циферблатах, на которых дрожали и передвигались тонкие стрелки.

— Как же она всё видит? — шёпотом спросил Саша.

— А вот — шкаф. Ещё вентилятор в нём гудит, — сказал Алёшка. — Это — передатчик. Он посылает радиолуч. Где этот луч встречает препятствие, там отражается и на экране РЛС даёт импульс, показывает угол и расстояние до цели. Импульсы — это и есть цели...

«А где экран?..» — хотел он спросить. Но в это время сержант Таиров на несколько секунд отстранился от РЛС, и Саша заглянул через его плечо.

Круглый, как иллюминатор парохода, экран светился зеленоватым светом. По всему его полю мерцали рассеянные гнёздами светящиеся точки, некоторые из них двигались в разных направлениях. Светящийся круг обегала, как секундная стрелка, медная проволочка, похожая на «дворник» автомашины. Только «дворник» мотается из стороны в сторону, а эта проволочка описывала круги.

Таиров снова принял лбом к чёрному резиновому козырьку и стал вертеть ручки, подстраивая точнее станцию. Подполковник Аверьянов, остановившись у соседнего стола, стал рассматривать планшет, пригласив взглянуть на него и майора Ковешникова — дядю Яшу.

— Ну скажи, пожалуйста! — воскликнул подполковник. — Кому понадобилось так расхаживать по заливу?.. Вызовите-ка мне к рации капитана Гребенюка, — приказал он радисту.

Ребята насторожились.

— «Сокол», «Сокол», я — «Ласточка», — сказал в микрофон подполковник. — Доложите, что там у вас.

В мембране на всю комнату зазвучал чей-то низкий, хрипловатый голос:

— Товарищ двенадцатый, солдаты осмотрели всё. Нигде нет и признаков нарушителей. В районе островка только лисьи да заячьи следы...

— А сам островок? Там, где засекли цель?

— В районе островка ничего не обнаружили.

— Продолжайте поиск, — сказал подполковник. — Вызываю вертолёт.

Но только он успел отдать приказ командиру вертолёта, как со стороны моря один за другим ударили два выстрела.

Подполковник тут же поднёс микрофон ко рту:

— Капитан Гребенюк! Кто стрелял? Нарушители?

— Никак нет, товарищ двенадцатый, — послышался в трубке голос Алёшкиного отца, — рядовой Веденеев лису убил... Здесь позёмка, видно плохо. Первый выстрел дал предупредительный, а когда лиса выскочила, он её и ухлопал.

— Разберитесь сами, — сказал подполковник. — А вы, — приказал он радисту, — свяжите меня с командиром аэросаней.

Сверху раздался мощный гул мотора, и Саша увидел в верхнем переплёте окна тень вертолёта, мелькнувшего в вечернем небе.

— А скажи мне, Дмитрий Дмитриевич, — спросил майор, — кроме кораблей и самолётов, ваша РЛС лодку или человека возьмёт?

— Возьмёт и лодку и человека. Даже плывущего человека.

— Вот это я и хотел уточнить. Значит, лису, что солдат Веденеев в районе островка убил, РЛС тоже может взять? — Безусловно.

— Вот и отлично, — сказал майор. — А теперь давайте порассуждаем... Если до выхода ваших солдат на лёд лиса понарисовала вам на планшете такой график, значит, никто ей в районе островка не мешал, людей там не было, и нарушителя на льду мы сейчас ищем совершенно зря.

Подполковник пожал плечами, но промолчал, ожидая, что дядя Яша скажет дальше.

— Но лису что-то там привлекло? — продолжал майор. — Почему она совершала свои маршруты в открытое море и обратно, вот это посмотреть надо обязательно... Ясно и ребёнку, что нарушителя там быть не может: лиса к человеку не подойдёт. Но что-то там есть? Зря лиса в открытое замёрзшее море бегать ведь не будет?

Саша толкнул Алёшку в бок. Физиономия его сама собой расплылась в счастливой улыбке:

— Ага! Я ж тебе говорил! Вот тебе и дядя Яша! У дяди Яши не голова, а счётно-решающая машина.

— Тише ты! — одёрнул его Алёшка, потому что возразить ему было нечего.

— И что же ты предлагаешь? — спросил майора подполковник.

— Прежде всего, — сказал дядя Яша, — демонстративно снять оцепление и с песнями отправить солдат из района ПТН. Наверняка за этим участком ведётся наблюдение, поскольку враги наши тщательно готовят приход второго диверсанта. Поэтому, — продолжал майор, — мы должны показать, что учение закончили и спокойно возвращаемся на заставы... А сами, — продолжал майор, — примерно минут через тридцать в белых маскахалатах с двумя радистами и нарядом выйдем на лёд и посмотрим, что там за лисьи следы...

— Так и сделаем, — сказал Аверьянов.

— Пётр Карпович, — вызвал он по радио капитана Гребенюка. — Снимай оцепление, отправляй солдат на заставу. На сегодня учения закончены. Через полчаса будем у тебя на льду.

РЮКЗАК

Старшина Костин, прибывший с лыжниками, едва заставил ребят съесть по тарелке макарон с мясом «по-флотски», выпить по кружке чая, как Алёшка стал тут же что-то шептать старшине, поглядывая на приоткрытую дверь в комнату, где уже готовились к выходу на лёд, надевая белые маскахалаты, майор Ковешников и подполковник Аверьянов.

— Да нет и не проси,—громко сказал старшина, тоже натягивавший на себя белый маскхалат.—Ты подумал, что мне капитан Гребенюк—твой отец, а тем более подполковник Аверьянов скажут?

Саша отлично понял, о чём просит старшину Алёшка. Решив, будь, что будет, он направился прямо к майору Ковешникову:

— Дядя Яша, можно?..

Алёшка тут же оказался рядом.

— Давай выкладывай, что у вас, только поскорей,—ответил майор.

— Можно и нам с вами в маскхалатах на лёд?

— Что-что?—переспросил майор (они с подполковником Аверьяновым только переглянулись).

«Всё. Не разрешит»,—подумал Саша. Ребята молча опустили головы, чутко прислушиваясь, как вполголоса советовались подполковник и майор:

— А ты убеждён, что нет там никого?..

— Абсолютно...

— Ладно,—сказал подполковник,—другим не разрешил бы, вам разрешаю: чему научитесь смолоду, останется на всю жизнь... Только смотрите, чтоб ни на шаг не отставали. И—ни звука! Ясно?..

— Ясно!—завопили оба.

— Идите к старшине, пусть подберёт вам подходящие маскхалаты. И чтоб через пять минут были готовы.

Ребята опрометью бросились к старшине Костину:

— Товарищ старшина!—радостно закричали Саша и Алёшка.—Разрешил! Сам подполковник нам разрешил! Подберите, пожалуйста, подходящие маскхалаты! Нас тоже берут!..

Но такое счастливое известие вовсе не обрадовало старшину:

— А где же я ваш размер возьму, если в один маскхалат вас обоих упрятать можно?

— А вы нам один на двоих дайте,—тут же нашёлся Алёшка.

— Тоже не пойдёт,—возразил старшина.—Надень на тебя верхний балахон, запутаешься в нём и—носом об лёд. В одних штанах—нельзя: если руки в прорези карманов про-

сунуть и пояс вокруг шеи замотать, голова и руки будут чёрными на снегу, за десять километров видно.

Спасло ребят то, что старшина, видимо, любил решать неразрешимые задачи. Сначала он надел на каждого (выбрав самые маленькие размеры), верхние балахоны с белыми капюшонами и марлевыми занавесками для лица, так что оставалась открытой только узкая полоска против глаз, подвернув на Саше подол балахона и прихватив его вокруг пояса куском телефонного кабеля, старшина натянул на него снизу огромные белые штаны, просунул Сашины руки в прорези карманов и обернул пояс штанов маскхалата вокруг шеи, прихватив его английской булавкой.

Такую же операцию проделал с Алёшкой. Видимо, довольный результатом своих усилий, сказал:

— Теперь хоть на луну, настоящие космонавты!..

И в самом деле, Саша и Алёшка были сейчас, как в скафандрах. От одного этого сознания хотелось петь во весь голос, но подполковник предупредил: «Чтоб ни звука», и ребята принялись молча толкаться, не зная, как выразить свою радость.

— Ну как, готовы? — спросил их, выйдя из операторской, подполковник. — Тогда спускайтесь вместе со старшиной к морю и ждите нас внизу.

Саша всего несколько раз в жизни катался на лыжах, и то лишь с небольших горок, когда был в гостях у бабушки в Кавголово... А тут вон какой спуск к морю!.. А что их там ждёт на льду за островом? Дядя Яша сказал: «Раз уж лиса чувствовала себя спокойно, значит, человека поблизости не было»... А вдруг всё-таки там есть нарушитель?..

Саша ещё возился с креплениями, когда Алёшка уже заскользил на лыжах через березнячок, окружавший здание ПТН. Наконец крепления были застёгнуты. Саша оттолкнулся палками и довольно уверенно побежал по лыжне за Алёшкой. Вслед, неторопливо и размеренно, двинулся старшина Костин.

От белого снега и полной луны было достаточно светло, но всё же днём Саша чувствовал бы себя гораздо увереннее.

Лыжня вильнула за поворот, начинался спуск к морю. Лыжи побежали резвее. Саша стал тормозить палками, но почувствовал, что всё больше набирает скорость. Решив, будь что будет,

он присел пониже, повалился набок и в одно мгновение зарылся в снег. Лыжи за что-то зацепились, и, если бы не старшина Костин, Саша долго барахтался бы в этом сугробе.

— Я ведь катался в Кавголово и не падал,— заверил он старшину.— У вас, наверно, лыжи не той мазью смазаны!..

— Наверняка не той,— отряхивая Сашу, согласился старшина.— Бери-ка ты их лучше под мышку и дуй вниз пешком, а на ровном месте снова наденешь.

Обиднее всего было то, что Алёшка при свете луны и звёзд как ни в чём не бывало во всю пруть мчался под уклон. Ещё и палками отталкивался. Конечно, он тут всю жизнь живёт, а Саша-то и настоящей зимы никогда не видит.

Саша схватил в охапку лыжи с палками и вприпрыжку побежал вдоль пологого спуска к морю. Валенки скользили на снегу, кое-где он ехал, как на коньках, но до берега добежал благополучно.

Здесь уже поджидали его Алёшка и старшина, который помог Саше снова затянуть крепления.

— А теперь уговор дороже денег...— предупредил Костин,— от командиров не отставать, и—чтоб ни звука...

Саша чувствовал, как и под марлевой занавеской ветер обжигал лицо, а ледяное поле, словно живое, нарочно ставило на его пути торосы. Там, где на открытых участках сдуло снег, лыжи шли враскат. Белыми змейками пытаюсь схватить за ноги, струилась поперёк лыжни позёмка.

От этой ночной мглы, от ощущения бескрайних просторов моря, скованного льдом, под которым до самого морского дна затаилась тёмная и холодная вода, от молчаливого движения похожих на белые приведения людей—было жутко и одиноко. В тишине только слышалось дыхание быстро идущих людей да шорох лыж по снегу, сливающийся с мерным скрипом палок.

«О чём сейчас думает дядя Яша? На него сейчас смотрят все: он—следопыт. Но попробуй догадайся, зачем лиса бежала к острову, да ещё к ледяным торосам в километре от острова?..»

Возле островка с засыпанной снегом елью встретил их высокий и худой, похожий на Алёшку, человек, тоже в белом маскхалате, на белых лыжах.

Саша сразу догадался: это — Алёшкин отец, капитан Гребенюк.

— Товарищ подполковник, — доложил капитан, — по вашему приказанию личный состав отправлен на заставу.

— Вольно, Пётр Карпович, — так же вполголоса сказал Аверьянов. — Познакомься. Наш гость из Туркмении. Ветеран пограничной службы майор Ковешников. А это будущий пограничник — сын начальника заставы Саша Иванников...

Капитан представился майору, поздоровался с Сашей.

— От Алёшки я уже слыхал, что ты едешь, — сказал он. — Гостю почёт и уважение...

Саша ответил на рукопожатие, а затем поздоровался со стоявшим рядом Веденевым — солдатом, тоже в маскхалате, у ног которого сидела сторожевая собака.

Только сейчас он заметил неподалёку запорошенную снегом убитую лису. Глаз у лисы прищурен, и Саше показалось, что она вовсе не убита, а только притворяется. Но её уже заносило снегом. Жалко лису...

— Я оставил Веденева с Рексом, — сказал капитан, — на случай, если понадобятся.

— Твоё мнение, Яков Григорьевич? — взглянув на майора, спросил подполковник.

— Думаю, что кроме лисьих, никаких других следов мы не увидим, — ответил дядя Яша. — А в лисьих разберёмся...

— Тогда вы свободны, — сказал солдату капитан. — Забирайте свой трофей, идите на ПТН. Через полчаса оттуда пойдут машины на заставу...

Ребята переглянулись, понимая, какую ответственность взял на себя дядя Яша, отказавшись от розыскной собаки.

Веденев тут же увёл своего Рекса.

— Тогда давай же сами смотреть, что здесь за следы. Пётр Карпович, тебе слово.

Капитан вздохнул и наклонился к переметаемому позёмкой снежному покрову.

— Вот, товарищ подполковник, — сказал он, — это — заячьи следы, а это — лисьи. И так по всему заливу. Никаких других следов нет.

— А сам остров хорошо осмотрели?

— Прочесали вдоль и поперёк, чуть ли не миноискателем,— ответил Гребенюк.— Да и остров-то весь с ладонь, только лисе и спрятаться, и ту Рекс из кустов выгнал.

— Кроме кустов, на нём ещё и ёлка растёт,— заметил майор.

— Что ты хочешь этим сказать?— Аверьянов посмотрел на заснеженную, казавшуюся серебристой в свете луны ёлку.

— Пока ничего. Но уж больно приметное место: остров— ориентир, ёлка— ориентир, под высоким берегом— мёртвое пространство, куда луч РЛС не достаёт. Даже тот, кто первый раз сюда выйдет, по описаниям отлично найдёт эти ориентиры и в темноте. А давайте-ка вокруг острова на лыжах обойдём, поищем какие-нибудь ориентиры на берегу...

Саша и Алёшка отлично знали, что ориентирами называются наиболее заметные предметы на местности, но что имел в виду майор, даже Саша, хорошо знавший его, сейчас не мог бы сказать.

— Давай, смотри получше,— шёпотом сказал он Алёшке, чувствуя, что сейчас они с дядей Яшей здесь главные, потому что не кто-нибудь, а дядя Яша руководил поиском.

Алёшка это понимал, и уже не задавался, как тогда на прожекторной площадке.

— Куда смотреть-то?— так же шёпотом спросил он.

— На высокий берег. Дядя Яша там ориентиры ищет...

— Тише ты! Сказано—ни звука!

Отталкиваясь палками, дядя Яша медленно скользил по льду, обходя островок со стороны открытого моря. Остальные следовали за ним. Всё время посматривая на силуэт возвышавшейся над островом ели, майор скользил взглядом по линии высокого берега, выискивая такой же безошибочно-заметный предмет.

— А вот и ориентир,— негромко сказал дядя Яша, указывая на верхушку заводской трубы в посёлке.

И хоть снизу виднелась только её верхняя часть, возвышавшаяся над берегом, но и этого было вполне достаточно, чтобы отлично её видеть. Труба торчала, как палец. Сливаясь с линией берега, она всё равно оставалась самым высоким ориентиром, хорошо заметным на фоне неба и в ночную темень.

— А теперь смотрите сюда,—сказал майор, останавливаясь в том месте, где верхушка трубы оказалась на одной линии с верхушкой ели на острове.—Видите? Лисьих следов стало ещё больше, а заячьих нет и в помине.

— Понял тебя,—сказал Аверьянов.—Ты хочешь сказать, а не проверить ли нам в створе с заводской трубой и елью вон те дальние торосы?

— Именно... Оставим пока ребят со старшиной у этих ледяных глыб, а сами рассредоточимся и двинем вперёд к тем дальним торосам...

Трое командиров в сопровождении двух солдат-радистов редкой шеренгой стали удаляться в сторону открытого моря. Саша и Алёша по примеру старшины Костина скрестили под собой лыжные палки, придерживая их концы сгибами локтей, уселись на палки, выглядывая из-за навороченных ледаколом смёрзшихся ледяных глыб. Все трое напряжённо следили за белыми на фоне белого снега, словно растаявшими в мгlistой ночи фигурами, и Саша только сейчас понял, что маскхалаты, в которых они сюда пришли, делают их, действительно, невидимыми.

Всё было тихо. Алёшке не сиделось спокойно, и он принялся вертеть головой во все стороны.

— Смотри, смотри,—прошептал он.

Саша ещё сильнее вытянул шею и весь напрягся.

— Да не туда. В сторону берега смотри. Как ветер сдувает с обрыва снег. Хозяйка Севера пришла! Видишь, какие у неё седые космы!..

Погода заметно портилась. По тёмному небу плыли низкие лохматые тучи.

Медленно тянулись минуты. Ребята и старшина напряжённо прислушивались, вглядываясь в белёсую мглу. И всё равно не заметили, как неожиданно оказались совсем рядом уходившие к торосам белые фигуры. Впереди подполковник с майором и капитаном, за ними—двое солдат. Один из них—с радиостанцией, другой нёс что-то за плечами, похожее на разорванный мешок. Из прорехи высывалось голенище сапога, рукав какой-то одежды.

— Смотри, рюкзак,—шёпотом в самое ухо Саше сказал Алёшка,—и весь разодран...

— Так это лиса его разорвала, — тут же догадался Саша.

— Тише ты!..

— Сам тише!..

Старшина Костин погрозил им пальцем.

Ребята примолкли. Саша заметил в прорехе рюкзака поблёскивающий бок консервной банки, разорванную обёртку от плитки шоколада. Так вот зачем бегала лиса в торосы! Не в силах утащить весь рюкзак, рыжая разбойница не только разодрала его, но и выволокла на лёд всё, что могло её заинтересовать, так что пришлось собирать подполковнику с майором и вещи и продукты.

«Кто всё это оставил?.. Для кого?..»

— Да! Поработала хвостатая плутовка крепко, — вполголоса заметил старшина. — Ясно, что это место показалось ей ненадёжным: кругом лёд. Вот она и взялась таскать найденный клад к острову.

— Старшина, под вашу ответственность, чтобы из рюкзака ничего не выронили, — приказал подполковник, — к берегу идём без палок: чтоб ни скрипа, ни шороха. Метель скроет нашу лыжню, но разбушевавшаяся непогода весьма на руку и нарушителю, для которого приготовили этот продовольственно-вещевой склад. Нарушитель может появиться и сегодня ночью.

— Надо ещё узнать, кто приготовил, — заметил дядя Яша.

— Ну это-то в своём отечестве установим, — ответил подполковник.

Саша и Алёшка подталкивали друг друга, прикладывая пальцы к губам. Теперь-то им было ясно, что нарушитель, которого ждали и ради которого приехал из Туркмении дядя Яша, точно должен появиться здесь на участке заставы капитана Гребенюка. Вот бы увидеть, как его будут задерживать: взяли же их сегодня смотреть лисьи следы?

Но капитан Гребенюк как будто подслушал их мысли.

— Старшина! — приказал он. — По прибытии на ПТН ребята доставьте в распоряжение заставы, накормите ужином и уложите спать.

— Спать-то они будут сегодня славно, — заметил дядя Яша. — И намёрзлись, и надышались, и навоевались... Завтра ведь тоже трудный день...

НА ЗАСТАВЕ

— Саш, вставай!..

Саша приоткрыл один глаз. Алёшка в трусах и в майке сидел на соседней койке и, сопя спросонья, натягивал на голенастые ноги лыжные штаны.

Саша попытался было укрыться с головой и досмотреть сон, но Алёшка тут же потянул с него одеяло:

— Вставай скорей, — сказал он. — А то не успеем на аэросанях покататься. Отец к дружинникам едет.

— Каким дружинникам? — Саша тут же вспомнил, что было вчера ночью. — А нарушителя задержали?

— Какой тебе нарушитель? — Алёшка даже рассмеялся. — Уже восемь часов утра! Во дворе рассвело!

Саша оглянулся на окно и увидел, что Алёшка говорит истинную правду.

— А где дядя Яша?

— Ясно, где! Уехали с подполковником Аверьяновым в штаб отряда. Будут разбираться, что в рюкзаке и кто его мог там оставить.

— А что там? И кто оставил? — тут же спросил Саша.

— Знал бы, сказал. Одевайся скорей, аэросани ждать не будут.

Едва позавтракав по приказу строгого старшины, ребята, накинув на себя пальто и шапки, выскочили во двор.

При свете раннего утра всё, что пережили ребята вчера ночью, казалось сном, и Саша даже некоторое время сомневался, действительно ли они были вчера на льду, сидели со старшиной в торосах, проверяли следы попавшей под выстрел лисы? Но то, что майор и подполковник с найденным рюкзаком уехали в штаб отряда, подтверждало всё это.

Капитан Гребенюк был здесь же во дворе. «Хорошо, что не опоздали». Шёл он от ворот вместе с рыбаком богатырского сложения, одетым в меховую куртку и высокие рыбацкие сапоги.

— Кто это? — шёпотом спросил Саша у Алёшки и подумал: «Уж не нарушителя ли задержал капитан?»

— Рыбак Хилтонен, — ответил Алёшка. — Дружинник из посёлка. Мастер спорта по лыжам и по парусу.

— А-а,—разочарованно протянул Саша.— А я думал...

— Только потому, что Рудольф Карлович Сооп за тебя просил,— сказал капитан Хилтонену,— отдаю тебе твои перемоты. Ещё задержим, больше не отдадим. Иди к старшине в склад, он выдаст.

— О чём это они? —спросил Саша Алёшу.

— Про перемоты. Снасть такая: шнур с крючками... Хилтонен выехал весной в туман перемоты ставить на угря, а его наша РЛС и засекла. А Рудольф Карлович—это и есть бригадир дружинников.

Алёшка отвечал спокойно, а у Саши всё не выходило из головы: а вдруг, пока они здесь беседуют, нарушитель уже подходит к торосам?

Хилтонен погрузил на санки с десяток плоских ящиков, в которых виден был капроновый шнур, с довольным видом отдал капитану Гребенюку честь огромной красной пятернёй, простился с остальными и, неторопливо покачивая плечами, направился к воротам. Вслед за ним, как собака за хозяином, заскользили, юрко виляя из стороны в сторону, маленькие на фоне громадной фигуры нагруженные перемотами санки.

Капитан подозвал к себе ребят:

— Ну как, готовы?

— Так точно, товарищ капитан! —отрапортовал Алёшка.

— Поехали...

Они съехали на газике к берегу моря, где уже дожидались их на льду аэросани.

Саша так засмотрелся на светящийся круг пропеллера, что Алёшка даже подтолкнул его: садись, мол, скорей...

Не успел Саша опомниться, как взревел мотор, снежные струи ударили из-под лыж, взвихрились облаком позади саней, и Саше стало так радостно, так захотелось, чтобы водитель ещё и ещё прибавил скорости, что он невольно пожалел, когда аэросани, едва разогнавшись, постепенно замедлили свой бег и остановились перед вдающимся в море песчаным мысом, заросшим кустарником, покрытым снегом.

В бухте за мысом под самым берегом чернело на льду несколько фигур. Капитан Гребенюк первым делом подошёл к старичку в гражданской одежде, в валенках и полушубке.

— Вот это и есть бригадир рыбколхоза Рудольф Карлович

Сооп, — сказал Алёшка. — А рыбу ловит, — он указал куда-то в сторону от Саши, — Пекко Вялимаа...

Саша оглянулся: неподалёку от берега ещё один «гражданский» в белом овчинном полушубке сидел на ящике перед пробитой в толще льда лункой и увлечённо перебирал леску руками, то и дело выхватывая из лунки ярких, топорщивших красное оперение окуньков.

— Пойдём, посмотрим, — предложил Саша.

Ребята подошли к рыбаку, вежливо поздоровались. Вялимаа, улыбнувшись, ответил им и — вдруг выхватил из лунки извивающуюся, как змея, небольшую щучку. Снял её и только опустил блесну в воду, как тут же выхватил полосатого краснопёрого окунька. Саша даже присел от неожиданности, так ловко всё это у Вялимаа получилось.

Позади ребят послышался скрип шагов. Поговорив с бригадиром рыбаков Соопом, к Вялимаа подошёл Алёшкин отец капитан Гребенюк.

— Почёт рыбаку! — сказал он. — Как улов?..

— Пока всё только окуньки да щучки, — сказал Вялимаа.

— Ну что ж, — ответил капитан, — подождём ещё. Налим — рыба ночная. Время наступает такое, что вполне может клюнуть...

Саша только хотел было спросить у Алёшки, приходилось ли ему ловить ночью налимов, как вдруг понял, что означал этот разговор и почему оказались здесь рыбаки посёлка, которые обычно ловят в море рыбу сетями, а тут вдруг занялись любительским подлёдным ловом на удочку.

«Налим — рыба ночная... А время такое, что вполне может клюнуть». Саше — сыну начальника заставы, другу лучшего в Средней Азии следопыта-пограничника — не надо было объяснять, почему не только Вялимаа вышел сегодня на лёд. Такие, как он, рыбаки сидели по всему берегу, и было их не меньше двадцати человек. Все они — дружинники, которые наблюдают за ледяным полем и за берегом, а капитан Гребенюк объезжает сейчас на аэросанях посты и спрашивает, не заметил ли кто чего-нибудь?..

Значит, нарушитель может появиться в любую минуту. Но капитан не зря сказал: «Налим — рыба ночная»... Не ускользнул бы только этот «налим». Хорошо, если никто не заметил,

как они ходили ночью к тому месту, где лиса нашла и разодрала рюкзак. А если заметили?

— Ребята, быстрее в кабину! Поехали дальше! — скомандовал капитан, и они, промчавшись ещё с десятков километров вдоль кромки берега, вернулись к тому месту, где ждала их машина, которая доставила всех троих обратно к заставе.

— Вот что, братцы, — сказал капитан, — дел у меня да и у старшины сейчас по горло. Так что развлекайтесь сами... Можешь показать, Алёша, Саше нашу Ленинскую комнату.

— Понял. Есть показать! — тут же ответил Алёшка. — Подожди меня здесь в коридоре. Я скажу, когда будет можно...

АЛЁША ГРЕБЕНЮК

Капитан ушёл к себе в канцелярию. Алёшка скрылся за дверью, на которой было написано: «Ленинская комната». Саша остался в коридоре. На стенах схемы, таблицы, списки, графики. Сашу заинтересовала таблица, на которой были нарисованы силуэты кораблей, какие бывают на Балтийском море. ТРП — стал он читать — траулер рыболовецко-промысловый, СТБ — стальной траловый бот, ПТС — промысловый траловый сейнер, ПСКР — пограничный сторожевой корабль...

Неужели на всех этих кораблях плавал Алёшка?

— Иди, уже можно.

Саша открыл дверь в Ленинскую комнату, несмело переступил порог. Тут же раздался громкий, усиленный динамиком голос: «Добро пожаловать!».

Из угла комнаты навстречу Саше двинулся на колёсиках железный человек точь-в-точь похожий на средневекового рыцаря в латах. Замигал зеленоватыми лампочками-глазами, зашевелил руками, открыл прямоугольный, затянутый сеткой рот.

«Начальник заставы на границе, позвоните дежурному, — сказал робот. — Садитесь. Газеты на журнальном столике. Начнём концерт грамзаписи».

Внутри у него что-то зашипело, и на всю комнату раздался голос певца Трошина: «Издалека долго течёт река Волга»...

От железного человека, как от обыкновенной настольной лампы, тянулся провод к электророзетке. Алёшка обошёл вокруг робота, выключил штепсельную вилку.

— Зачем выключил? — спросил Саша.

— Потому, что тем, кто идёт в наряд, время отдыхать. А хочешь, я его научу железным пальцем тебе шалобаны давать?

— Как это «научу»? Ты, что ли, его делал?

— А то кто же? Геннадий Михайлович, радиоинженер полка, только помогал, а делал я сам.

— Ври больше, — сказал Саша, а сам подумал: «Вдруг правда?»

Саша обошёл вокруг робота, который весь, оказывается, был спаян из жести от больших консервных банок. Швы были пропаяны так аккуратно и чисто, как, например, Саше никогда не пропасть. И ни за что ему не сделать такую схему робота, чтобы тот и передвигался, и руками шевелил, и глазами мигал, да ещё и разговаривал. А вот Алёшка сделал, пусть даже с помощью майора — инженера Фомичёва...

— А откуда у вас в Ленкомнате столько картин? — чтобы не так завидовать Алёшке, спросил Саша.

— А это, когда отец служил на острове замполитом, там был капитан Макарушкин, он и писал.

Особенно понравилась Саше картина, на которой был изображён шторм: от маяка, на каменистом острове, как от прожектора, уходил в черноту бурной ночи ослепительно-яркий луч. Над маяком неслись тучи, чёрные, рваные. Огромные волны, все в пене, бросались на остров, разбивались о скалы.

На другой картине изображены раскрасневшиеся от мороза рыбаки, Алёшкин отец в пограничной форме и молодая женщина — его жена, мама Алёшки, которую Саша узнал по фотографии, что стоит дома на серванте. А в середине — сам Алёшка и похожая на него девочка — его сестрёнка Оля.

— Это про Новый Год, — пояснил Алёшка. — Мы с Олей в интернате учились, а на остров нас на своём сейнере Рудольф Карлович Сооп привозил. На море — шторм. Дождь! Ветер! Снег! Мы стоим на причале. Вертолёты не летают... А Рудольф Карлович к причалу подходит на своём морозильном траулере,

кричит в рупор: «Где тут дети капитана Гребенюка?» — Кричим с Олей: «Зде-е-е-есь!» — Дежурный тоже кричит: «Здесь!» «Давайте, — говорит Рудольф Карлович, — их на борт!»

Поднялись на корабль, отчалили, а ветер встречный, волна бьёт, идти тяжело... Ну, чтоб не укачало нас, сразу в каюте спать уложили. Только к четырём утра и добрались до острова... Во какой у нас был Новый Год!

— А дальше? — спросил Саша.

— А дальше — отец встретил рыбаков, как космонавтов встречают, — сказал Алёшка. — На столах — всё, что только можно достать на острове! Рыбаки, хоть и устали, а сидят довольные, шутят, сменяются, говорят: «Вместо одного, два раза Новый Год встретим»...

— А ты и на пограничном корабле «Большом охотнике» плавал?

— Конечно!..

— Ну и какие там... пушки, машины... Почему он называется «Большой охотник»?

— Охотится за кораблями-нарушителями. А пушек там — ужас!.. Приборов — полно!..

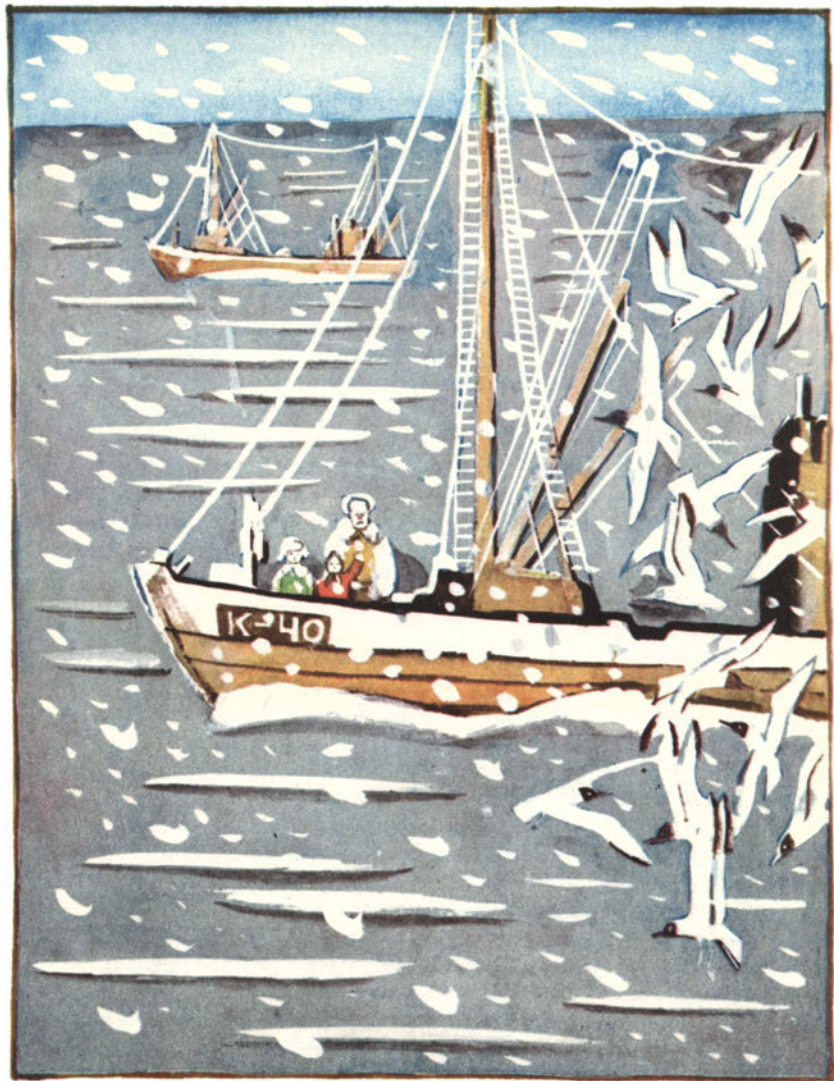
Саша мучительно переживал рассказ Алёшки. Никогда ему не приходилось плавать на боевых кораблях: где же в Туркмении корабли? А тут, оказывается, вот такая у Алёшки морская жизнь!..

— Это посмотри, — словно не замечая, как Саша завидует ему, — сказал Алёша и, приподняв застеклённую крышку витрины, вытащил открытую картонную коробочку, оклеенную изнутри красным бархатом. На такой же бархатной подушке лежала потемневшая от времени винтовочная гильза. Между двумя пластинками прозрачного плексигласа — пожелтевший от времени листок бумаги из блокнота. На листке — едва различимые буквы.

Саша наклонился к листку и прочитал: «Нас осталось трое: Иван Шитра, Николай Дударь, Александр Можейка. Прощайте, товарищи...»

Некоторое время Саша ничего не мог говорить. На затылке сами собой шевельнулись волосы.

— Это там же на острове, в одном блиндаже нашёл, — понизив голос, сказал Алёшка, и Саша снова подумал, что

на той заставе, где служил его отец, никогда не было боёв с фашистами, нет и сейчас ни старых блиндажей, ни окопов и что сам он не находил таких гильз, таких записок...

Дверь в Ленинскую комнату приоткрылась, вошёл старшина:

— Саш, тебя в канцелярию, к телефону, — сказал он.

— Меня? — с удивлением переспросил Саша.

— Беги скорей. Там капитан Гребенюк тебя ждёт.

РАНЬШЕ ВЫЙДЕШЬ — ДАЛЬШЕ УЙДЕШЬ

Звонила мама. Саша узнал её голос, почувствовал, как стало тревожно и радостно, а из головы сразу вылетели все слова, какие он хотел ей сказать. Саша даже не очень улавливал, здорова ли бабушка, какая у неё температура, встаёт ли она с постели. Главное — с приездом мамы ей стало лучше.

— Мамочка, не беспокойся! Здесь всё очень интересно! Мы с Алёшей Гребенюком... — и Саша начал рассказывать, как они были на ПТН, в Ленинской комнате, катались на лыжах, азросанях... Но о находке рюкзака и о том, что на заставе «обстановка», Саша ничего не сказал: не имел права. А сказать, конечно, хотелось.

В это время чей-то строгий мужской голос вмешался в разговор:

— Заканчивайте. Двенадцатый просит к телефону двадцатого.

Саша едва успел сказать маме, что всё у него хорошо и что он передаёт приветы бабушке, как трубку взял капитан Гребенюк.

— Двадцатый слушает, — сказал он. — Так точно, товарищ двенадцатый. К восемнадцати часам буду на ПТН.

Саша подумал: «Спросить или не спросить у капитана?» Потом решил:

— Пётр Карпович, откуда Алёша всё знает? И работа такого сделал, и на ПТН его берут?

— Понравился робот?

— Очень...

— В общем, голова у Алёшки по части техники работает, —

сказал капитан.— А потом сыграла роль жизнь на острове по соседству с радистами. У нас там, кроме пограничников, морской пост, радиостанция. Как затеют радисты оборудование менять, списанные детали не выбрасывают, а убирают в кладовую. Ну вот, заметили они, что Алёшка какой-то приборчик мастерит, вроде телефона— тут же полмашины всяких трансформаторов-конденсаторов ему и привезли, стали учить, что к чему. Алёшка и давай те детали свинчивать-развинчивать, к радистам за советами бегать. А когда мы сюда переехали, он от майора Фомичёва ни на шаг не отставал. Робота вот смастерил, РЛС ремонтировать научился.

— РЛС ремонтировать? — переспросил Саша.

— Самому, конечно, нельзя, но в схеме разбирается и майору Фомичёву или начальнику ПТН, старшему сержанту Таирову, очень даже толково помогает.

— Мне бы так, — только и сказал Саша.

— А это от тебя зависит. Время не упущено. Так уж устроено в жизни: чему выучишься смолоду, то и твоё. Как говорится, раньше выйдешь — дальше уйдёшь. Любое дело изучай с детства, потом поздно будет...

Саше отлично было известно, какая трудная и беспокойная работа у начальника заставы: каждые полтора-два часа инструктировать и отправлять наряды, проверять их на участке, составлять планы и отчёты, готовить и проводить занятия, отвечать за десятки и сотни дел. А когда поиск нарушителей, то и вовсе спать не приходится — двадцати четырёх часов в сутки не хватает. Где уж тут найти время учиться. И так почти у всех взрослых, не только у военных, но и у «гражданских». Зато у них с Алёшкой времени, хоть отбавляй. Но вот Алёшка успел найти себе любимое дело на всю жизнь, даже РЛС изучил, а Саша — нет. Почему?..

Пока Саша и капитан Гребенюк разговаривали, строй солдат прогрохотал каблуками сапог по асфальтовой дорожке из столовой в казарму. Это означало, что сейчас будет объявлен отдых заступающим в наряд. Ночь предстоит тревожная.

— Ну ладно, заговорились мы с тобой, — сказал капитан. — Время обедать и — на службу. Где там Алёшка? Зови его. Вам ведь тоже пора отдыхать.

Рассказ капитана Гребенюка совсем расстроил Сашу. Вот

он, оказывается, какой Алёшка! А что он, Саша, умеет, какое дело полюбил на всю жизнь, и что значит «чем раньше выйдешь — дальше уйдёшь?!»

Где же Алёшка? Почему не идёт? Что он там застрял?..

Саша заглянул в Ленинскую комнату. Алёшка снял с робота нагрудные латы и, потный, взъерошенный, с нахмуренными бровями, тыкал дымящимся паяльником в немыслимо сложное переплетение проводов и приборов внутри своего «железного пограничника». В комнате стоял ароматный, как в сосновом лесу, запах канифоли.

— Ты чего? — спросил Саша.

— Короткое замыкание. Никак не найду где...

Саша отступил на шаг и прикрыл дверь: понял, Алёшка как раз из тех мастеров, которые во время работы не терпят, чтобы им мешали... Он надел шапку и вышел на крыльцо заставы.

Неожиданно скоро вслед за ним вышел и Алёшка. Он хлопнул Сашу по спине ладошкой и радостно сказал:

— Нашёл!

— Что нашёл?

— Короткое замыкание! Понимаешь? Конденсатор пробило! Пришлось прозвонить все цепи.

«Какие цепи? Что это значит «прозвонить»? — Никаких звонков Саша не слышал.

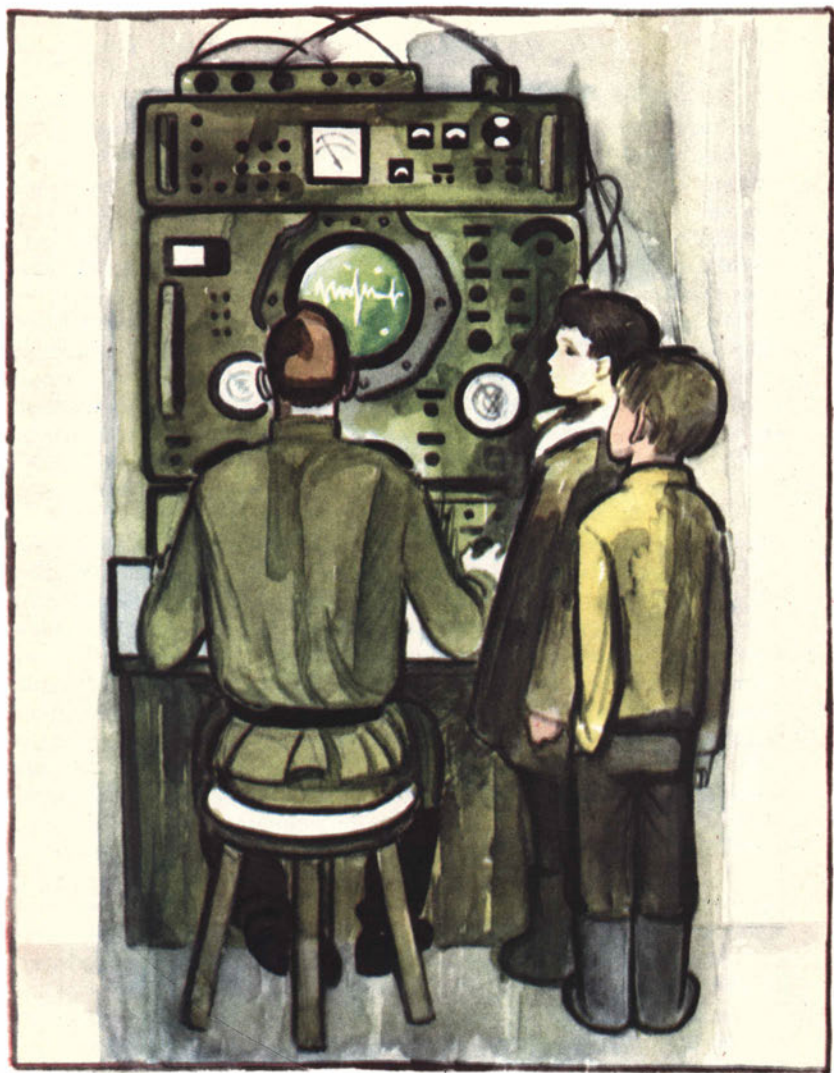
— Пошли обедать! — сказал Алёшка. — А то нам до темноты надо ещё на ПТН успеть: Геннадий Михайлович с Таиловым будут профилактику делать, блоки менять.

«Какие блоки? Какую профилактику?» — Саша едва успевал за Алёшкой, который уже бежал вприпрыжку по асфальтовой дорожке, ведущей к столовой.

СОЛНЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Ехать сразу после обеда на ПТН не пришлось.

Капитан Гребенюк приказал ребятам вместе с солдатами, заступающими в наряд, идти в казарму, получить у старшины свежее постельное бельё и ложиться отдыхать на свободные койки.

Саша, столько повидавший и переживший за последние сутки, едва коснулся головой подушки, тут же мгновенно уснул.

... Проснулся он оттого, что румяное на морозе солнце, отыскав щёлку между горизонтом и закрывавшими всё небо тучами, навело озорной зеркальный зайчик прямо ему в глаза, лучом зажгло радужную грань стакана на столике, рассыпалось искрами в графине с водой.

Саша прищурился: от солнца во все стороны брызнули лучики. Брызнули и... пропали. Попрощавшись с ним, солнце уже скрылось в лохматых тёмных тучах.

И вдруг Саша вспомнил: Алёшка! Рывком повернулся к соседней койке: Алёшки в казарме не было.

Саша мгновенно оделся, выскочил в коридор, заглянул в канцелярию заставы. Капитан Гребенюк был ещё здесь. Но сейчас он выглядел совсем другим, озабоченным, строгим. Увидев Сашу, ничего не сказал.

— Пётр Карпович, а дядя Яша ещё не приехал? А где Алёша?

— Придётся и тебя с собой брать, — больше отвечая своим мыслям, чем Саше, сказал капитан. — Лучше уж оба будете на виду. А майор, твой дядя Яша, приедет с подполковником Аверьяновым прямо на ПТН. Так что быстрее ужинай, одевайся и поедем.

Едва проглотив полмиски гречневой каши с мясом, Саша нахлобучил шапку на голову, надел пальто, выскочил во двор заставы. «Газик» капитана Гребенюка стоял уже у ворот, двигатель работал на самых малых оборотах. Капитан Гребенюк, а вслед за ним и Саша сели в машину. До самого ПТН ехали молча.

Отряхнув на крыльце снег с ботинок, вошли в помещение.

Сержант Таиров, так же, как и Алёша в Ленкомнате заставы, щурясь от пахучего дымка канифоли, что-то паял в вынутом из станции «блоке» — квадратной алюминиевой коробке, уставленной узкими металлическими радиолампами. Алёшка Гребенюк помогал ему.

Таиров вскочил с места, доложил начальнику заставы:

— Товарищ капитан, производим профилактический осмотр...

- Закончили?
- Так точно, закончили...
- Включайте станцию.

Старший сержант вставил отремонтированный блок на место, включил и прогрел станцию, приткнулся к резиновому козырьку экрана.

Мощно загудел вентилятор, охлаждающий передатчик, и Саша, теперь уже узнавший, как работает РЛС, мысленно представил себе вращающуюся на вышке антенну, посылающую во все стороны радиоволны, которые там, где они встречаются препятствие, отражаются и показывают на экране светлые точки — «цели».

Таиров отстранился от РЛС, и Саша, снова увидев знакомый уже круглый, как иллюминатор корабля, зеленоватый экран с множеством светлячков, невольно подумал: «Попробуй разберись, какие импульсы — отражения деревьев и домов, а какие — людей, тем более, импульс нарушителя...» А вот Алёшка наверняка разбирался.

— Здорово-то как! — только и проронил Саша.

— Это-то что, — возразил Алёшка, — вот теплотокатор, тот, и правда, здорово! Читал статью в «Эврике»? Наша РЛС, например, посылает радиосигнал, а потом его принимает. Как эхо... А тепловому локатору импульсы посылать не надо. Только принимай, потому что любое, сколько-нибудь тёплое тело излучает электромагнитные волны. Правильно, товарищ старший сержант?

— В общем-то правильно, — ответил Таиров и стал докладывать на центральный пункт о начале работы.

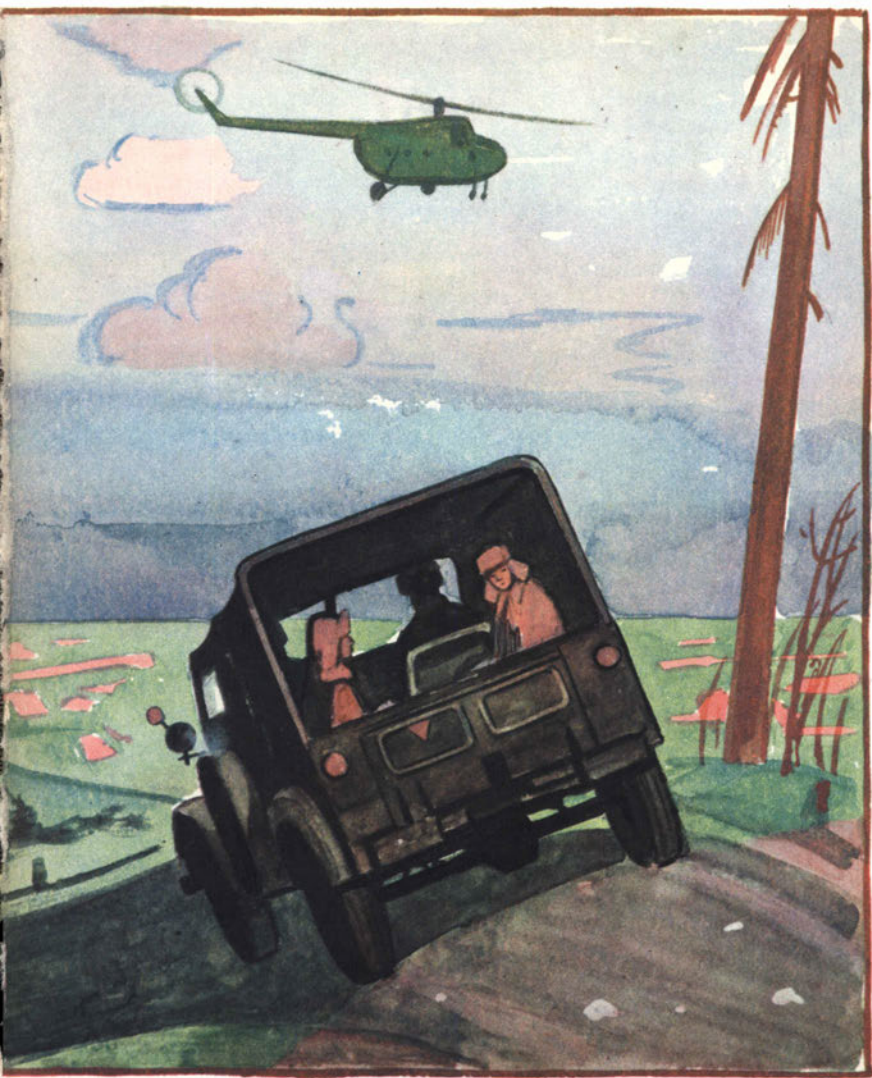
— Пошли встречать дядю Яшу и подполковника Аверьянова, — предложил Саша.

И они с Алёшкой, надев пальто и шапки, вышли из здания ПТН.

Вечер уже наступил, пасмурный, ветреный. По чёрному небу неслись низкие, лохматые тучи. Шёл снег. У прожекторной площадки стоял Алёшкин отец капитан Гребенюк, с беспокойством оглядывал горизонт. Метель всё усиливалась.

Саша осмотрелся, прислушался. Шумел ветер в деревьях, с веток сыпалась снежная пыль. Из помещения ПТН доносился

ровный гул вентилятора, охлаждающего передатчик. В освещённое окно сквозь метель была видна голова старшего сержанта Таирова, прильнувшего лбом к защитному козырьку РЛС и — рядом голова планшетиста, склонившегося над столом.

Станция работала. Скажи кто-нибудь Саше дома, на своей заставе, что вот так вот, в пургу и в непогоду, не выходя из комнаты, можно охранять огромный участок границы — не поверил бы.

А вот, оказывается, можно...

На крыльцо здания ПТН выскочил старший сержант Таиров:

— Товарищ капитан, — обратился он к начальнику заставы. — Вас просит двенадцатый.

Пётр Карпович бегом бросился в помещение, как будто ждал этого звонка. Вошли в помещение и ребята.

Капитан взял трубку телефона, некоторое время слушал, потом сказал:

— Хорошо, товарищ подполковник...

Вызвав заставу, передал своему заместителю лейтенанту Друзю:

— Отряд поднят по тревоге. Приказано заставу развернуть согласно боевому расчёту, я остаюсь на ПТН, ждите дальнейших указаний.

Саша почувствовал, как Алёшка тихонько взял его за руку и увлёк в соседнюю комнату, где отдыхала очередная смена. Оставив дверь полуоткрытой, оба сели так, чтобы никому не мешать.

Не прошло и пяти минут, как капитан Гребенюк взял у радиста микрофон и доложил подполковнику, что заставка развёрнута, а резервная группа ждёт приказа выехать на автомашине к берегу, чтобы в случае появления нарушителя на участке заставы отсечь его со стороны моря.

Ребята с тревогой прислушивались к тому, что делалось снаружи.

— Видимость — ноль, — сказал капитан. — Условия для нарушителя идеальные, для нас самые тяжёлые...

Со стороны шоссе донёсся гул грузовиков. Где-то неподалёку от ПТН зафыркал вездеход ГАЗ-69.

Саша вспомнил, как говорил дядя Яша, что в поиске

нарушителя самое главное — найти след. А как тут обнаружишь след, когда все следы мгновенно заметает метель?

Неожиданно в комнате раздался голос подполковника Аверьянова:

— Внимание! Всем операторам ПТН! Иметь в виду, снегопад создаёт помехи! Смотреть внимательнее! Двадцатый, проверьте, все ли дружинники у вас на местах!

«Двадцатый» — это Алёшкин отец капитан Гребенюк», — вспомнил Саша.

— Собаки след не возьмут, — шёпотом сказал он Алёшке.

— А ты откуда знаешь?

— Ветер северо-западный, почти вдоль берега, относит запах в сторону, а след пурга заметает... Меня дядя Яша учил всё запоминать, особенно когда и откуда дул ветер...

Томительно тянулось время. Капитан Гребенюк, не отходявший от радиостанции, вызвал по телефону руководителя дружинников Рудольфа Карловича Соопа, о чём-то с ним поговорил.

Старший сержант Таиров не отрывался от экрана РЛС. Планшетист что-то выверял измерителем на графике. Ребята, чтобы никому не мешать, сидели затаив дыхание, прислушиваясь и присматриваясь ко всему.

В операторской раздался голос капитана Гребенюка:

— Товарищ двенадцатый! Сооп доложил, что нет на месте дружинника Хилтонена... Так точно, того самого, что приходил на заставу за перемётами. Видели его на лыжах, вовсю гнал к острову, возле которого Веденеев убил лису... Так точно, товарищ двенадцатый, выясню и доложу.

До ребят доносился усиленный репродуктором голос подполковника Аверьянова:

— Проверьте лично... Учтите направление ветра вдоль берега. Собаки смогут учуять нарушителя только у самой кромки льда, а задерживать мы его должны на ледяном поле. Выезжаем с майором Ковешниковым к вам на ПТН.

Саша толкнул Алёшку в бок:

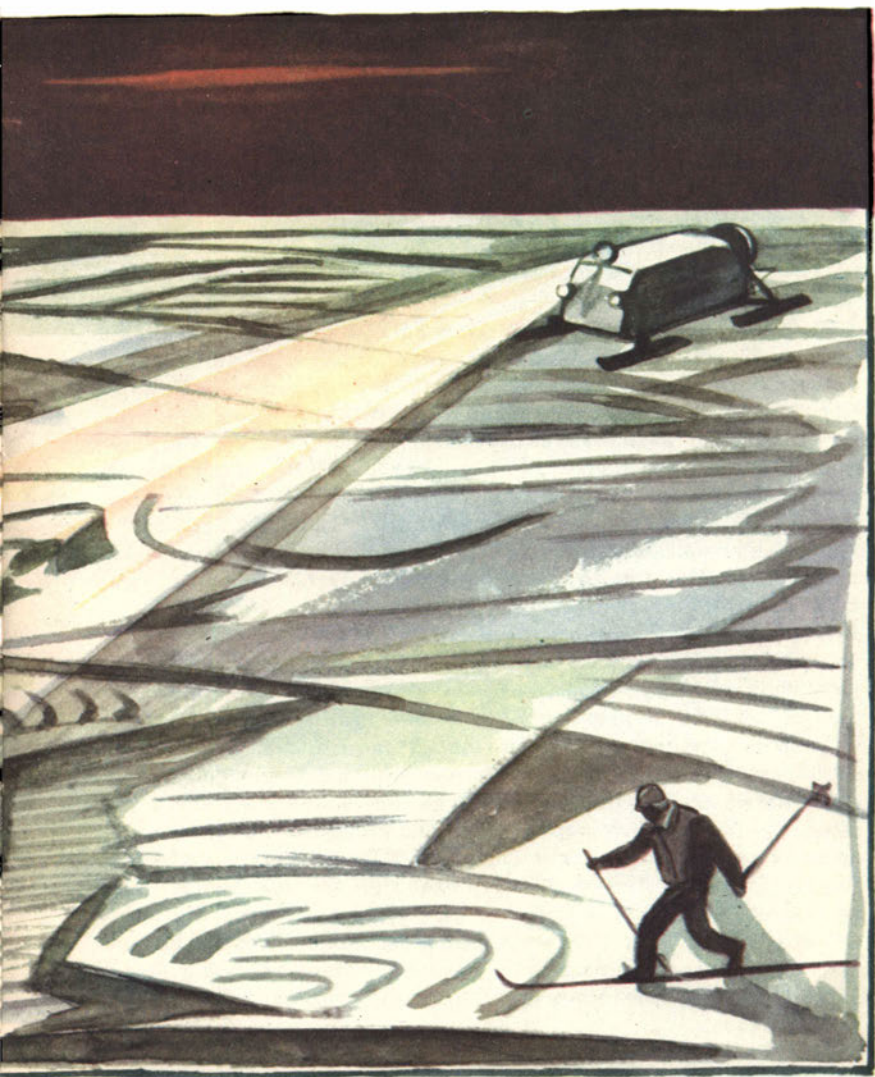
— Ура, дядя Яша с подполковником Аверьяновым едут на ПТН. Пошли встречать!

— Одевайся быстрее!

Ребята в один миг оделись, завязали друг другу шарфы

поверх воротников, натянули лыжные брюки прямо на валенки, чтобы снег не задувал. Прошмыгнув в тамбур, выскочили на крыльцо.

Ветер дул так, что струи снега летели, казалось, параллельно земле. Захватывало дыхание. Саша и Алёша повернули друг к другу головы и взялись за руки, чтобы не сдуло с крыльца.

Вслед за ними вышел капитан Гребенюк:

— А вы зачем сюда? Марш в помещение!

Из операторской донёсся громкий голос старшего сержанта Таирова:

— Товарищ капитан, РЛС засекла две цели на льду. Одна идёт к берегу со скоростью пятнадцати-шестнадцати узлов, вторая ей наперерез со скоростью лыжника, но тоже быстро. Рудольф Карлович Сооп доложил, что это Хилтонен, пост которого был назначен в торосах вместе с нашим нарядом, пошёл в преследование за нарушителем. Курс цели сто десять. Дистанция двенадцать кабельтовых... Подполковник Аверьянов,— продолжал докладывать старший сержант,— приказал командиру аэросаней с лыжным десантом под командой лейтенанта Друзя отсечь нарушителя со стороны моря. Ещё одну группу лыжников послал вслед за Хилтоненом — ему в помощь. Сам едет к нам...

— А ты понял, почему подполковник к нам едет?— вваливаясь в коридор, стряхивая снег, спросил у Саши Алёшка.— Сейчас только на экране РЛС можно увидеть всю картину.

И хоть Алёшка сказал сейчас не свои слова, а наверняка слова отца или подполковника Аверьянова, Саша спорить не стал: на крыльце ПТН он и сам видел, какая поднялась метель: тут не то, что нарушителя на ледяном поле, капонир прожектора в пяти-десяти шагах от ПТН во дворе не видно. Понял Саша и то, почему нарушителя ни в коем случае нельзя подпускать к берегу: здесь радиолуч срезается обрывом, и нарушитель под высоким берегом попадёт в «мёртвую зону», где его не возьмёт и локатор. Поэтому очень важно задержать его примерно там, где нашли приготовленный для него рюкзак.

— Не пойму только, какая сила его так несёт,— входя в помещение вслед за ребятами, сказал капитан.

ГЛАЗ — ТЫСЯЧЕГЛАЗ

Как долго тянулись эти полтора десятка минут! У Саши совсем уже не осталось никакого терпения, когда, наконец-то, открылась дверь и вошли в операторскую ПТН майор Ковешников и подполковник Аверьянов.

Соскучившиеся ребята тут же оказались возле них. Но дядя Яша лишь обнял Сашу за плечи, спросил, всё ли у него в порядке, интересно ли он провёл время, и, едва получив утвердительный ответ, потрепал Сашу за вихры и подошёл вместе с подполковником к радиолокационной станции. А подполковник, едва вошёл в операторскую, тут же сбросил с плеч стёганую куртку и шапку, сел к экрану локатора.

Саша и Алёша, переглянувшись, заняли испытанную уже позицию в соседней комнате перед дверью.

— И что его там так подгоняет, — сказал подполковник. — Нарушитель движется слишком быстро для лыжника... Второй импульс, как мы теперь знаем, — Хилтонен. А это — группа лейтенанта Друзя — замполита вашей заставы. Они ведь тоже на месте не стоят — вовсю нажимают. Нарушитель уходит и от Хилтонена и от лейтенанта. Аэросани и те едва успевают отсечь его со стороны моря.

Подполковник на минуту отстранился от экрана, чтобы посмотреть на график планшетиста, и Саша увидел знакомый уже мерцавший зеленоватым светом глаз-тысячеглаз.

Лучик развёртки антенны, протянувшись металлической палочкой от центра экрана, мерно описывал круги. Яркая точка подвижного круга дальности двигалась по лучу, указывала на едва заметный импульс, быстро перемещающийся по экрану.

— А где нарушитель? — шёпотом спросил Саша.

— Сядешь к экрану — всё увидишь, — ответил Алёшка.

— На экране-то видно, а на льду метель: нарушитель может и под носом у лыжников проскочить.

— Сейчас сам узнаешь, может или не может, — ответил Алёшка.

Саша как-то сразу заметил, что в помещении наступила полная тишина. Ему стало слышно даже дыхание сидевшего

рядом Алёшки. Все напряжённо смотрели в затылок подполковнику Аверьянову, принявшему к резиновому рубусу РЛС.

Неожиданно громко раздался голос подполковника:

— Всем радиостанциям продолжать стоять на приёме... Двадцать шестой, измените курс саней на пять градусов к северо-западу. Осторожнее, впереди торосы. Лыжники, развернитесь по оси с севера на юг. Дистанцию держать в пределах видимости. Будьте внимательны: нарушитель замедлил ход. Лейтенант Друзь, развернитесь влево, перед вами нагромождение льда. Обойдите препятствие, снова становитесь на прежний курс.

Подполковник Аверьянов на экране локатора видел всех и руководил всеми.

— Двадцать шестой, будьте внимательны! — снова раздался голос подполковника. — Нарушитель вас заметил, поворачивайте обратно. Лейтенант Друзь, приготовьтесь! Не стрелять! Брать живым! Будьте внимательны! Будьте внимательны!..

Саша слушал голоса, наполнившие комнату: неведомого командира аэросаней — «двадцать шестого», лейтенанта, по фамилии Друзь, возглавлявшего группу лыжников, голос начальника соседней заставы, других офицеров, оставшихся блокировать со своими солдатами дорогу и лес.

— Правее, Деменчук, — продолжал командовать подполковник. — Лейтенант Друзь, нарушитель идёт по своей лыжне на вас...

Аверьянов снова отстранился, и Саша издала снова увидел яркую светящуюся точку, как сказал Алёшка, импульс аэросаней, рядом — цепочку светлячков — лыжный десант и убегающую от них светлую точку — импульс нарушителя.

Наперерез этой точке по-прежнему двигалась такая же точка, как объяснил Алёшка, — импульс Хилтонена.

Подполковник снова принял к рубусу локатора, тут же командовал:

— Лейтенант Друзь, примите правее, нарушитель свернул к северу...

Саша забеспокоился: «К северу — это значит — в открытое море. А вдруг убежит? Там ведь, действительно, в метель в двух шагах ничего не видно». Но по виду Алёши понял, что беспокоиться теперь нечего: пограничники взяли нарушителя

в кольцо: с запада—прибывшие на аэросанях, с востока—лыжники лейтенанта Друзя. Оба полукольца светлячков сомкнулись, затем сошлись к импульсам нарушителя и Хилтонена.

Наблюдавший за экраном подполковник коротко сказал:

— Всё! Взяли!.. Вот, Яков Григорьевич,—отстраняясь от экрана, пригласил он посмотреть майора Ковешникова—дядю Яшу,—ручаюсь, такого нарушителя ты ещё никогда не видел.

Дядя Яша приник к экрану локатора, некоторое время рассматривал по зелёному светящемуся полю светлые точки, затем отстранился, спокойно сказал:

— Такого, и правда, не видел, Дмитрий Дмитриевич...

Алёшка ткнул Сашу в бок:

— Ага! Я ж говорил!..

— Ну и что?—горячо возразил Саша.—Зато сто тысяч других задержаний видел! Не видел, а сам задерживал, точнее этого! И рюкзак в торосах тоже дядя Яша нашёл!

Саша не понял, почему это вдруг все стали смеяться.

— А у тебя, оказывается, есть верный защитник,—заметил подполковник.

— Друг друга в обиду не даём,—подтвердил майор:—Насчёт ста тысяч задержаний—это ты немного прибавил,—заметил он Саше,—а в общем, приходилось. И не раз, и повсякому... Могу только сказать, что в работе любой опыт годится, особенно такой.

Подполковник Аверьянов продиктовал набор цифр, обозначавших—как теперь это знал Саша—курс, скорость, направление движения и расстояние от берега до цели, чтобы можно было точно отметить её местоположение на планшете в момент задержания.

— Не могу только понять, на чём он так быстро передвигался?—добавил он.—Лейтенант Друзь, доложите, что там у нарушителя за ковёр-самолёт?

— Товарищ двенадцатый,—тут же раздался в помещении голос лейтенанта.—Задержан неизвестный высокого роста, атлетического сложения. Уходил с попутным ветром под парусом на специальном устройстве вроде буера с лыжами...

— Понял вас,—ответил подполковник.—Передайте циркулярно всем рациям,—приказал он радисту.—Всем ПТН продолжать наблюдение. Обстановка не снимается...

Оглянувшись, увидел, с каким интересом наблюдают за всем Саша и Алёша.

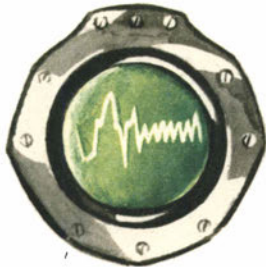
— Ну, юные друзья пограничников, — сказал подполковник, — теперь можете посмотреть, с каким почётом конвоируют нашего «гостя». Вам служить после нас, так что привыкайте пораньше...

Подполковник встал со стула, Саша занял место оператора, боясь прикоснуться не только к какой-нибудь шкале или ручке, а даже к корпусу РЛС. Прикинув к резиновому тубусу, стал напряжённо наблюдать за теперь уже немного понятным ему скоплением светлых точек на зеленоватом светящемся круге экрана.

Всё, что пережил он за эти два дня, было так необычно, так отличалось от его прежней жизни, что Саша ещё не разобрался в своих мыслях и чувствах. Но одно то, что он хоть немного стал понимать, что же показывает эта удивительная волшебнo-умная станция, наполняла его гордостью, хоть немного приближая по знаниям к Алёше Гребенюку.

На следующее утро Саша писал письмо отцу. Он рассказал обо всём, что узнал и увидел здесь, на заставе капитана Гребенюка, подумал и сделал приписку:

«Папа, когда я приеду домой, возьми меня с собой на машине к перевалу Карахара: там дежурят радисты на такой же, как здесь, РЛС. Наверное, у них тоже найдутся ненужные им, списанные радиодетали...»

Для младшего школьного возраста

Анатолий Викторович Чехов

ГЛАЗ-ТЫСЯЧЕГЛАЗ

Художник Ю. Копейко

Редактор О. Лебедев
Художественный редактор Ю. Полянов
Технический редактор Н. Житенёва
Корректор С. Блиштейн

Сдано в производство 3/1-74 г. Подписано в печать 5/11-74 г. Бумага офсетная № 1. Формат 84 X 108/16. Печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 7,26. Тираж 150 000. Цена 74 коп. Изд. № 652. Заказ № 825. Издательство «Малыш». Москва, К-55, Бутырский вал, 68. Калининский полиграфкомбинат детской литературы имени 50-летия СССР Росглавополиграфпрома Госкомиздата СМ РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Ч 70802—113
М 102(03)—75 643 об.—75

